

лые костры, подлѣ которыхъ мы частенько засиживались позднѣе обыкновеннаго, въ особенности когда еще сквозь медленно плывущія облака проглядывала луна, таинственно озарявшая нашъ тихій уголокъ и ближайшія сѣрыя скалы. Густой высокоствольный лѣсъ стоялъ безмолвно, словно погруженный въ дремоту, и совершенную тишину ночи нарушалъ монотонный рокоть рѣчки да унылое гуканье филина, по временамъ раздававшееся въ томъ или другомъ углу ущелья. Неприятный голосъ этой ночной птицы будилъ нашу собаку и привлекалъ ее съ лаемъ въ свою сторону, затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ, недруги успокаивались и опять наступала прежняя убаюкивающая тишина.

Подлѣ костра раздѣляла нашу компанію и наша общая любимица—обезьяна, которую мнѣ подарилъ Шэрабъ-Чумпырь и которую мы впоследствии прозвали Мандрилъ. Обезьяна съ перваго дня появленія въ лагерь экспедиціи сдѣлалась предметомъ развлечения ея участниковъ. Для этого звѣрка была устроена трапеція, на которой онъ продѣлывалъ всевозможныя упражненія. Со всѣми нами Мандрилъ скоро освоился, но привязывался только къ тѣмъ, кто не допускалъ себѣ по отношенію къ нему злыхъ или мальчишескихъ шутокъ; ласковое же отношеніе и лакомыя подачи очень цѣнилъ, какъ равно не проявлялъ обиды или неудовольствія, если его по временамъ наказывали на мѣстѣ преступленія.

Нашъ свирѣпый песъ Гарза вначалѣ порывался уничтожить Мандрила, но, получая за каждую подобную попытку должное внушеніе, скоро смирился и освоился съ нимъ, а недѣли двѣ спустя оба нашихъ спутника стали если не друзьями, то во всякомъ случаѣ и не недругами. Гарза позволялъ Мандрилу безнаказанно ласкать себя за голову или навязчиво цѣпляться за ноги, за хвостъ, но только не выносилъ его назойливыхъ прыжковъ на спину; въ такомъ случаѣ собака убѣгала отъ обезьяны и пряталась гдѣ-либо въ кустахъ. Интереснѣе всего было наблюдать, какъ Гарза защищалъ Мандрила отъ нападений чужихъ, попутно-встрѣчавшихся собакъ: застигнутая врасплохъ туземными псами, обезьяна безъ оглядки мчалась къ лагерю или каравану, неистово крича отъ страха; на ея крикъ быстро появлялся Гарза и тотчасъ же устранялъ опасность отъ своего товарища. Иногда, впрочемъ, обезьяна вспрыгивала къ кому-либо изъ насъ на плечи и оттуда старалась излить свой гнѣвъ своеобразнымъ отрывистымъ фырканиемъ.

Здѣсь будетъ умѣстно вообще сказать нѣсколько подробнѣе о камской обезьянѣ (*Macacus vestitus*).